

Вальдемарас Хомичюс: "Нельзя одновременно покупать-продавать и тренироваться"

Он не скрывает, что с «Днепром» может не получиться. Но прибыл в Украину, поскольку соскучился по любимой работе и опять хочет жить полноценной баскетбольной жизнью. Собственно, Хомичюса не запугаешь. Точнее, это он мог одной фразой «Еще раз что-то выкинешь – убью» умерить пыл такого по-спортивному наглого игрока, как хорват Дражен Петрович. Было это в полуфинале Межконтинентального кубка, когда каунасский «Жальгирис» встречался с загребской «Цибоной». Через два года в полуфинале Олимпиады в Сеуле Вальдемарас сумел прикрыть будущую звезду НБА Дэна Марли. Советская сборная обыграла американцев, а затем взяла олимпийское золото. Кроме него в карьере Хомичюса есть бронза Игр-1992 в составе сборной Литвы, титул чемпиона мира 1982 года и два чемпионские звания Евробаскетов.

Он знает себе цену, но звездности не демонстрирует. На интервью Хомичюс согласился сразу и в течение полутора часов вспоминал и делился опытом. Рассказал, как стал невыездным, как из-за укуса «таинственного насекомого» пропустил финал чемпионата мира 1982 года, как проявлял принципиальность в тренерском вопросе, как обижался, когда на него говорили «русский», а не литовец.

- Вальдемарас, недавно почетный президент российского «Триумфа», известный певец Лев Лещенко рассказал, как возник вариант с вашим приглашением в эту команду. Дескать, клуб не мог отвечать на запросы бывшего наставника Станислав Еремина, посему заменить его решили тренером поскромнее. По словам Льва Валерьяновича, вы согласились, хоть имели более заманчивые в финансовом плане предложения. Сейчас история повторяется уже с «Днепром»?

- Бывают разные ситуации, как и в игре. Ты можешь красиво отдать пас, но два раза повторить этот маневр сложно, поскольку в одном случае по-другому расположатся игроки соперника, в другом совершишь потерю. В свое время был момент, что я мог остаться работать в Казани с местным УНИКСом. Но так как я знал и Лещенко, и спортивного директора клуба «Триумф», поскольку они предложили план, согласно которому работать предстояло с молодыми игроками и не важно, какой будет результат, главное, чтобы парни окрепли физически, поднялись технически, достали игровые навыки, хорошо обыгрались, я согласился. Мне это было интересно.

И в самом деле, хоть мы заняли десятое место, все баскетболисты получили игровое время, очень хорошую школу, опыт. Еще семь игр мы могли спокойно выиграть. Но когда играешь с молодыми, отдельные поединки не вытщишь. Нельзя построить дом без фундамента. Сделали фундамент, накануне этого сезона провели хорошую подготовку. Все игроки, которые в прошлом году были неопределенными, в этом чемпионате стали лидерами и очень помогли команде. Нашли трех иностранцев, которые хорошо влились в команду. Молодые опытные баскетболисты помогают, хотя этим молодым игрокам тоже по 25 лет.

- Официально вы отошли от работы «Триумфом» из-за проблем со здоровьем. Мотивировка, словно в советские времена...

- Я не покидал «Триумф». Просто когда было перенапряжение, клуб дал возможность отдохнуть. Это совсем другое, нежели покидать. Я все время был главным тренером, все время наблюдал тренировки. Первые три игры мы играли с ЦСКА, «Химками», «Спартаком». И то, что мы, молодая команда, можем бороться с «Химками» - большой плюс. Хотя мы могли и выиграть у ЦСКА. Со «Спартаком» на выезде играли через два дня после того, как вернулись из Кипра, где выиграли хорошую игру. Петербуржцы нас серьезно прихватили. Нас подломили, хотя первый тайм мы выиграли. Да и игру в целом, считаю, не проиграли. После этого мы уже практически все игры проводили дома и были в силах побеждать тех соперников. Подготовка и те игры. Которые мы провели, добавили команде уверенности, команда почувствовала, что может играть на равных с ЦСКА. Иными словами, мы зацепились и команда начала играть.

Потом пришло время, что я могу вернуться. Но команда начала играть, давать результат без меня. Тогда какой смысл? Если я приду и что-то начну что-то менять, толку не будет. Потому я согласился, чтобы в команде, за которую я положил половину здоровья, при работе с которой у меня было перенапряжение, все оставалось, как есть. Тогда я принял предложение клуба «Днепр».

- Перенапряжение в чем проявлялось?

- Начала кружиться голова. Сказали, что сигнал не поступает из-за того, что перенервничал. Оно и не странно, ведь без отдыха прошло лето. Да и вообще, десять лет, которые провел в России, прошли в подобном ключе. Всякие проблемы были. Скажем, мы поехали в Шауляй, команда загуляла, попали в полицию, а на следующий день игра. Думаешь сразу обо всем, за всех заступаешься и это мешало полноценно сконцентрироваться на игре. Потом меня восстановили, дали время отдохнуть. Врачи думали, что все очень серьезно, но оказалось, что все нормально. Меня проверили и вынесли диагноз, что все идеально. Когда попадаешь в больницу, доктора, как правило, страхуются. Но мне сказали: «Как жил, так и живи».

- Думаете, в Днепропетровске будет полегче?

- Не думаю. Я знаю, что нигде не бывает легко. Везде надо работать и работа оправдывает все надежды. Пока ребята работают хорошо. Мне важно, когда звездой становится команда, а не отдельный игрок. У нас все понимают, что важнее ровно забить всем и выиграть игру, чем проявить себя индивидуально и забить 35 очков, как Рэнди Калпеппер из «Ферро» в моем

дебютном матче в качестве тренера «Днепра». Запорожцы проиграли, а значит, толку с результативности американца было мало. Пусть он забивает нам столько же и завтра. Главное, чтобы все остальные баскетболисты были исключены из игры.

- Вообще, опытные тренеры предпочитают не браться за работу с в ходе сезона. Дескать, не я готовил команду и ответственность за результат нести не могу. Вы решились на такой шаг еще и в преддверии плей-офф, когда нет гарантии, что «Днепр» туда попадет...

- Я – как охотник, у которого один патрон, но он все равно идет в лес. Вся моя жизнь связана с баскетболом и бояться вызовов не стоит. Даже если команда не попадет в плей-офф, трагедии делать не стоит. Жизнь научила, что проигрывать тоже нужно уметь. Только тогда ты понимаешь, почему проигрываешь и потом эти знания можно применить в будущем. Если не будешь принимать вызовов, будешь рассуждать умно, все-равно придет день, когда ты не проиграешь, все рассчитывая. А так раз-второй споткнешься, на третий-четвертый поднимешься и сделаешь то, к чему стремился.

- Многолетний наставник «Жальгириса» Владас Гарастас не стеснялся советоваться с игроками. Наблюдая за тренировкой «Днепра» и вашим общением с лидером команды Стивеном Берттом прихожу к выводу, что вы переняли у своего бывшего тренера это качество...

- Не только с ним. В команде я новый человек. Мы не только советуемся, но разбираем соперника. Я баскетболистам говорю, что делает соперник и как мы будем это преодолевать. Мне интересно, как игроки мыслят. Я и с Дерриком Лоу говорил, и с молодыми игроками, видел, что есть проблемы у украинских игроков. Подсказываю разные мелочи, чтобы игрок даже если забьет, отработал то, что надо. Если ты сделал что-то неправильно, прыгнул вверх, это уже показывает, что ты не в игре, а плаваешь где-то высоко. Игроки, тренер, клуб – как одна команда, один дом. Мы можем поругаться, но это должно быть умно и из-за чего-то. И если тренер виноват, он должен это признать. Я ребятам сказал, что у меня нет магической палочки, что я вам не Гарри Поттер, что взмахну рукой и мы будем всех побеждать. Палочкой должны быть вы и ваше отношение к баскетболу, к команде, друг к другу.

- Вам не кажется, что проблемой «Днепра» до вашего прихода было то, что американцы чересчур полагались на индивидуальные действия?

- Может и было, но я не видел. Из того, что мне удалось посмотреть, делаю вывод, что команда практически всегда играла хорошо, но проигрывала в концовках. Не всегда, когда игрок теряет мяч, он отыгрывается, кто-то не открылся, кто-то опоздал. Как говорят, один игрок слишком много бьет, другой не отдает пас, но нужно найти какой-то баланс, договориться. Мы сейчас пробуем об

этом рассуждать и навести порядок. Для того, чтобы они друг другу помогали, не только ругались. В первую очередь Вудс, Лоу, Томас, Бертт, Макс (Корниенко – авт.), Стас (Тимофеенко – авт.), Алекс (Щепкин – авт.). Если простительно, что я поругаю, когда кто-то смажет, то если я делаю ошибки, значит, я должен понимать и другого, что он такой же, что тоже может ошибиться. Поэтому я хочу, чтобы игроки это восприняли, чтобы они поощрили того, кому не получилось. Тогда у человека будет больше уверенности и в следующей игре он будет более продуктивным.

- Есть информация, что украинским игрокам «Днепра» длительное время не платили зарплату. Деньги получали только иностранцы и все эти вещи привели к игровым провалам...

- Думаю, это разговоры. Клуб интересуется не только профессиональным баскетболом, он имеет свою спортивную школу, выращивает все группы игроков, бережно относится ко всем баскетболистам. Впервые от вас слышу, что кому-то задерживали зарплату. Полагаю, что если проблемы неигрового характера бывают, то так и надо делать – и задержать, и наказать, и показать, что каждый игрок в первую очередь должен думать о клубе, а потом о чем-то более приятном. Но это, повторюсь, мои предположения.

- В 1979 году вы были запасным игроком «Жальгириса», но Гомельский взял вас в сборную и впоследствии вы стали чемпионом Европы. Сегодня таких примеров нет. Может, вы в «Днепре» решитесь доверить место в основе кому-то талантливому?

- Я не был даже запасным игроком в «Жальгирисе». В 1979 году сыграл за клуб шесть игр. Весь сезон выступал за молодежную команду, мы выиграли чемпионат. Потом один игрок заболел или что-то натворил. Меня вместо него забрали и выпустили играть против «Спартака» и тбилисского «Динамо». Я забил, отдал нестандартные пасы между ног практически с восьми метров, хотя в баскетбол играл всего пять лет. Так я зацепился. Это было перед новым годом, в конце 1977-го. Специалисты из Санкт-Петербурга начали говорить, что это молодой, перспективный, азартный игрок, хорошо сидит в ногах, но ему не хватает игрового опыта. Конечно, откуда у меня опыт, если за «Жальгирис» я играл первый раз? Вот тогда, как раз на новый год, меня вызвали в сборную. Мы поехали в Америку играть 11 игр. Гомельский меня выставлял постоянно. И из всех молодых игроков, которые тогда впервые попали в сборную, я единственный получил «четверку» и хорошую премию. Гомельский меня зацепил. Я и так в баскетболе был трудоголиком, но после этого начал уделять любимому делу еще больше внимания.

- Чтобы проявить себя так, как проявили вы, нужно делать что-то нестандартное?

- Нужно жить с желанием и мыслью, что я могу прогрессировать, отдаваться целиком, на сто процентов. Потому что игроки часто хотят зарабатывать, быть звездами во время на матч, но не тренироваться. Но нет ни одного тренера, который бы выпустил на площадку баскетболиста, который не играет, не забивает. Как и нет такого клуба, который бы платил бешенные бабки ни за что. У нас была такая ситуация, что мы хотели проявить себя, чтобы куда-то уехать, по-другому жить. А сейчас сама жизнь такая легкая, что заставляет игроков быть расслабленными еще больше.

- Чтобы проявить себя в той сборной СССР так быстро, как это удалось вам, нужно обладать стальными нервами, не чувствовать мандража...

- Мандраж присутствовал постоянно, но я разминкой и броском сверху пробовал всегда снять это напряжение. Вообще, мандраж должен присутствовать у каждого нормального человека. Скажем, вы. Идя на интервью со мной, наверняка тоже волновались, что что-то может не получиться. Мы всегда полагаем, что что-то может пойти не так. Но когда чем-то занимаешься, мысль уходит по-другому. Можешь помедитировать и волнение проходит, приходят новые мысли.

- Костяк сборной всегда составляли московские армейцы со своими солдатскими законами...

- Дедовщины в сборной не было, хотя из армейцев у нас в 1979-м играли Мышкин, Еремин, Лопатов, Ткаченко, Белостенный. Правда, последние двое военными себя никак не чувствовали. Да никто не чувствовал. Ребята в сборной все очень дружили, все друг к друг хорошо относились. В те времена в СССР мало кто владел английским. Так Еремин и Мышкин придумали такую как игру, словно спор, чтобы каждый день выучить по десять слов и смотреть, кто лучше. А мне ведь надо было и русский учить. Я не очень плохо говорил по-русски. Настолько, что все смеялись с моего произношения. Как сейчас помню, как они спросили «ты знаешь, что такое «переносица»?» Говорю, что конечно знаю, берешь с одной стороны и переносишь в другую. Они все упали.

- Первый президент Литвы Альгирдас Бразаускас как-то сказал, что даже пребывая в составе СССР, литовцы всегда думали о независимости. Все – от первых секретарей до обычных граждан. Это правда?

- Мы не могли тогда думать, потому что не было ни единого шанса. Но литовцами мы были всегда. Даже когда ехали со сборной, а нас называли «русские», мы злились и поправляли: «Нет, мы литовцы». Многие не могли понять, так как считали что Советский Союз – это Россия, и на украинцев, и на латышей, и на грузин, что это русские. Мы даже стыдились, отвечали, что мы в «Жальгирисе» играем. Потом, когда наша страна вышла из состава Советского Союза, мы были первыми спортсменами, которые ушли из состава сборной СССР. Говорили, что это время, когда народ уходит, значит, мы тоже должны уйти.

- Римас Куртинайтис говорил, что сколько не играл за сборную Союза, не был не то что в партии, а даже в комсомоле...

- Я в комсомоле был. Вынужден был вступить, поскольку долгое время считался «невыездным». Из-за этого никак не мог начать играть за молодежную сборную. И не играл бы, потому что не был комсомольцем, а некомсомольцев не пускали. Также причина в том. Что когда мы уехали в Польшу, я сказал в какой-то гостинице, дескать, как хорошо в Литве – и мясо есть, и овощи, пойдешь в магазин и купишь, а здесь у вас в Польше вообще ничего нет. Кому-то настучали. Приезжаю домой, а меня не выпускают с молодежкой туда, сюда. Чтобы выезжать, говорят, вам надо пойти в комсомол. Пошел, а меня спрашивают: «Почему вы пошли в комсомол?» Говорю: «Мне велели, чтобы я мог уехать...» «О, вы еще немного должны поучиться, понять, что такое комсомол. Мы никого не заставляем, вы должны это знать, пройдет несколько месяцев и тогда придете».

- Поняли?

- Да. Пришел и говорю, что уже созрел. В принципе, ничему плохому там не учили – помогать взрослым, старикам, делать что-то общественное. Меня приняли, сделали собрание в институте, что все в порядке, что я виноват, что наговорил. Хотя до того времени я не знал, что надо было что-то сказать. Лишь после этого с меня сняли клеймо «невыездного». Но меня, как литовца эти события не поменяли.

- В 23 года вы стали чемпионом мира. Но тогда, в 1982-м в Колумбии с вами произошло довольно драматичное происшествие...

- Это вы о причине, по которой не играл в финале? За двое суток до матча меня что-то укусило. Это была не змея. Думаю, простой комар или какая-то простая испанская мошка. Мы играли в гольф, я бегал босиком. Может, ничего бы и не произошло, если бы не вечерняя тренировка. Когда мы потренировались два часа, я натер это место свежего укуса, не положил мазь, не обратил внимания. А в то время из-за продолжительного сбора, жары, организм ослаб. Поскольку впереди ожидала последняя игра, хоть сильно болело, внимания поначалу не обращал, лишь попросил доктора, чтобы он мне намазал. Но просыпаюсь утром, а оно мне пульсирует. Открыл и испугался! Опухоль почти до колена и большая струя заражения крови!

К счастью, в Колумбии жил литовец, деревенский доктор. Как раз был свободный день и мы договорились, что приедем к нему в гости. Поехали на ранчо, показываю ногу. Он говорит: «Снимай быстро все вообще, у тебя сильное заражение». Врач принес ведро льда, мы туда

положили ногу, потом вернулись в гостиницу, мне начали колоть антибиотики. На следующий день пропустил тренировку. На игру вышел, но сделав разминку, не мог ходить. Сказал: «Если нужно, я выйду и вы даже не будете чувствовать, что у меня болит». Но игра сложилась так, что мы карабкались, ни Еремин, ни другие защитники не получили фолов. Иными словами, менять ничего не стоило. А после игры выйти я уже не мог. Меня Анатолий Мышкин взял на спину и вынес из зала.

- Наверное, обидно пропускать финал турнира, в котором проявили себя здорово, Испании даже 26 очков набросали...

- Конечно, обидно, но меня и без последнего матча заметили. Показательно, что вместе с Мышкиным мы попали в символическую пятерку чемпионата.

- Если проанализировать вашу карьеру, можно заметить, что вы привыкли общаться с тренерами на равных, а иногда и влиять на назначения тех, кто будет с вами работать. Это ведь вы организовывали коллективные письма, в которых высказывали свое несогласие с назначением Владимира Обухова тренером сборной СССР в 1986-м, а затем инициировали назначение Владаса Гарастаса наставником сборной Литвы в 1992-м?

- Есть моменты, когда говорить можно, а есть такие ситуации, когда говорить надо. Во время игры я не могу сказать баскетболисту в деталях, что он неправильно поступает. Я его усаживаю, объясняю. Он тоже может высказать свое мнение. Но учитывая все мелочи, мы можем рассуждать в тренировочном, послетренировочном, послеигровом времени. Иногда я могу дать то, что игрокам не нравится. Но не всегда то, что не нравится, бывает бесполезно. Если я уверен в том, что делаю, я объясняю и затем принимаем решение. Если игроку это точно мешает, тогда он делает меньше. Если команда предлагаемое мною помогает, то одному игроку легче приспособиться ко всем остальным.

Скажем, кто лучше знает баскетбол – Волков или какой-то функционер-политик? Волков понимает баскетбол, понимает суть, как и что нужно сделать. Мы должны прислушиваться к людям, которые живут баскетболом. Не со стороны, ведь это же не любовь, не брак, когда вы женитесь и чужое мнение вас не интересует. Здесь нужно делать дело. И в сборных, и в детских школах должны работать люди, которые профессионалы. Не потому, что они мне нравятся, а потому, что знают, как можно достичь результата. Поэтому, сколько мы играли в сборных, я всегда старался, чтобы присутствовали все лучшие. Потому, когда Александр Гомельский, человек, который по-настоящему мог помочь баскетболу, ушел, ребята не соглашались, мы писали письма в спорткомитет.

- И как вам игралось на том чемпионате мира под руководством так и не снятого Обухова?

- Мы не выступили против него, как человека, потому что человек он был в самом деле очень хороший. Мы выступили против его системы, поскольку привыкли работать с Гомельским, с его помощниками Селиховым и Озеровым. Мы видели, что мы готовимся, а команде чего-то не хватает. Все-таки чемпионат на носу. Мы немного поссорились. Потом пришли все к выводу, что нужно работать и играть. И выступили на чемпионате мира неплохо, попали в финал, причем играли неплохо.

- Но проиграли там американцам. Считаете, с Гомельским бы победили?

- Что сейчас считать? В спорте всегда, когда проигрываешь, считаешь, что мог выиграть. Думаю, что сыграли мы хорошо. Да, если бы Валтерс забил последний бросок, который я перехватил. Даже сейчас можно рассуждать, что было бы, ведь я мог и не брать этого мяча. В тот момент американцы вели 87:85, надо было забить последний бросок. Валтерс получил пас, бил в воздухе, может, мог еще что-то сделать, поймать, повернуться и тогда бить. Но все спешили, знали, что мало времени и не получилось. Когда остается четыре секунды и нужно все сделать быстро, то времени на принятие выбор оптимального решения нет. Так что выступили мы хорошо, обыграли за 49 секунд до конца встречи сборную Югославии и вышли в финал. Потом все забылось – ссоры и все остальное.

- Победенная вами Югославия в те годы была сильнее, чем сборная США?

- Не думаю. Мы всегда очень тяжело играли с Югославией, а достаточно хорошо – с Америкой. С «югами» то выиграем, то проиграем.

- Вальдемарас, вы выиграли две олимпийские медали. Арвидас Сабонис говорит, что для него ценнее бронза в 1992 году, а Римас Куртинайтис считает, что олимпийское золото есть олимпийское золото, за кого бы оно не было добыто. Вы на чьей стороне?

- На обоих. Очень хорошо, что в 1988-м в Сеуле мы выиграли олимпийское золото, стали олимпийскими чемпионами. Наша команда тогда созрела. А в 1992-м в Барселоне мы играли одни, боролись, чтобы попасть в финал. Нам на пути попался такой соперник как Dream Team. Если бы мы могли их тогда обыграть, то должны были быть в НБА (*смеется*). Мы тогда получили большое удовольствие от игры против американцев. Для нас было выиграть третье место все равно, что стать чемпионами. Мы не могли сделать больше, чем сделали.

- К **Олимпиаде** -1988 Сабонис готовился отдельно от команды и был включен Гомельским в заявку непосредственно перед поездкой в Сеул. Читал, что стартовые матчи команде пришлось потратить на то, чтобы заново перестроиться под Арвидаса...

- Никогда об этом не задумывался. Сабонис в самом деле готовился в другом месте, но приехал очень подготовленным. Мы хотели, чтобы Арвидас был с нами, чтобы ехал с нами играть. Да, мы готовились играть без него, до последнего момента не знали, поедет ли он, но потом он согласился поехать, и, зная Сабаса, мы понимали, что если он едет, то не будет сидеть на скамейке. Арвидас не готовился с командой, но с такими игроками, которые дали ему пользу. Он восстановился полностью. Может, что-то у него болело, но он играл, потому что ему это нравится и он хотел стать чемпионом. Это была единственная возможность показать, что литовцы играют в сборной, которая умеет играть в баскетбол.

- **Главная заслуга Гомельского в той олимпийской победе, что он...**

- ...сумел создать семью. Это, наверное, единственный коллектив из игроков постсоветского пространства, что еще с советских времен и поныне, когда встречается, празднует победы. 5, 10, 15 лет – встречаемся, друг друга уважаем, друг другу помогаем.

- **В свою очередь, в 1992 году Гарастасу создавать семью даже не требовалось, ведь та литовская сборная, такое впечатление, была настолько заряжена, что могла играть даже без тренера...**

- Это называлось «Оназе дрим тим», другая команда мечты. Сейчас про эту команду поставили как раз фильм. Снимал литовец, который живет в Америке, с помощью Сабониса и Марчюлениса, а также нашего Олимпийского комитета.

- **Когда вы выходили на матчи против команды СНГ, в группе и за третье место, мотивация была особой?**

- Конечно. Мы хотели доказать, что не слабее. И то, что мы делали с «Жальгирисом», нам получилось. Важно было то, что мы первый раз после многих лет должны были участвовать в отборочных матчах, а потом выступить на Олимпиаде. Мы не знали, как это, но делали свою работу с сердцем. Мы забыли, что кому надо. Все собрались и помогли команде, кто чем мог. Нашли тренеров, пригласили Дона Нельсона, Хавьера Имброду. Мы сделали все, чтобы хорошо выступить. Было бы странно изначально думать, что все получится и мы станем чемпионами. Мы каждую игру отдавались максимально и каждую игру выигрывали.

- Тогдашний игрок сборной СНГ Сергей Базаревич в интервью говорил, что вы в полуфинале Литва банально легла под Америку и тем самым сохранила силы и эмоции на встречу за третье место против их Объединенной команды...

- На Олимпийских играх, на чемпионатах мира никто никому не проигрывает специально. У нас даже в крови такого нет, чтобы с кем-то не играть, чтобы скопить силы. В «Жальгирисе» мы если выходили и играли, то выкладывались на сто процентов до конца. Самыми тяжелыми соперниками, не считая ЦСКА, для нас был рижский РТИ и вильнюсская «Статиба». В этих матчах ты должен выигрывать вверху или внизу, с этими командами играть было тяжело независимо от обстоятельств. Мы никогда не делили, давай будем этим составом играть, а не этим. Поэтому я привык, что каждая игра важная.

- Кроме того вы могли в 1995 году принести Литве первое золото чемпиона Европы. Но вас тогда остановили очень цинично...

- Считаю, что судьи у нас тогда отняли звание. Весь зал в Афинах скандировал «Литва – чемпион», золотые медали вручили Югославии. Впрочем, в сердцах мы так и остались чемпионами. А через восемь лет Литва таки выиграла Евробаскет и я в этом поучаствовал в качестве ассистента тренера.

- Вы уже обмолвились, что на клубном уровне матчи с ЦСКА стояли особняком. Они были принципиальны еще и с идеологической точки зрения?

- Идеология была та, что мы считали, что играем только со своими силами. С начала моей карьеры каждый раз, когда играли с ЦСКА, мы хотели играть лучше, показать себя лучше. Это стремление зацепиться, чтобы с ними бодаться присутствовало постоянно, но до 1986 года, пока у нас команда и игроки не созрели, пока друг друга не начали хорошо понимать, все обходилось локальными победами в отдельно взятых матчах. Второе место мы занимали часто, но чтобы стать чемпионами, нужно было сделать чуть больше. И когда стали настоящей командой, мы смогли это сделать.

- В Украине отдельные поединки вы тоже проигрывали. Не только киевским «Будивельнику» или СКА, но и донецкому «Шахтеру», луганскому «Спартаку». Как так получалось?

- Мы всегда знали, что украинцы в первую очередь играют от броска и всегда имели очень хороших снайперов и центровых. Мы не то, что не собирались, но когда ты играешь у соперника дома и соперник действует более расслабленно – ему лучше получается. Чаще всего уступали, когда матч ничего не решал или сказывался фактор поездки. Это сейчас время на переезд можно четко рассчитать, а в советские времена было иначе. Нужно в самолет бензин долить – ты постоишь, подождешь. Если зима и погода нелетная, надо ехать на автобусе. А однажды мы поехали играть в Алма-Ату. Приехали зимой, а там хорошая погода, полно арбузов. Каждый по 20 кг съел, все распухли. Какая уж там игра? Хотели двигаться, а ничего не получалось и мы этот матч проиграли.

- Гомельский в матчах своего ЦСКА с «Жальгирисом» использовал «админресурс»?

- Если брать в целом, давление может и присутствовало, но была большая страна, все собирались смотреть. И не важно, какое давление было – судьи были очень корректны. Представьте, что такая маленькая страна, как Литва играет против всего Советского Союза и мы выиграли три чемпионата СССР. Что там делалось, нас не интересовало. Мы выигрывали и никогда в интервью не говорили, что нас засудили, никогда не напирала на судей. Чаще всего «админресурс» заключался в том, что на матчи ЦСКА собирали полный зал из военнослужащих, армейцы билеты продавали. Но все это – в пределах дозволенного. У нас настоящий баскетбол был в крови, мы выходили играть и перед играми по телу бегали мурашки мурашки. Теперь я как тренер хочу зарядить такой энергией подопечных. Да я и сам перед матчами бываю эмоциональный.

- Считаете, «Будивельник» справедливо стал чемпионом 1989 года?

- Кто как посчитает. Я играл за «Жальгирис» и буду на его стороне. Скажу что нет, потому что я сам был на площадке. Как возможно поверить по телевизору, если электроника тогда с телекартинкой соединена не была? А комиссия смотрела именно телекадры, считала секунды, решала, можно было раньше или позже нажать. Но столик, все решает судейский столик. Таких нюансов в баскетболе наших лет было множество. Взять 1987 год, когда СССР в финале чемпионата Европы в Афинах встречались с Грецией (*На фото - капитаны сборных Яннакис и Хомичюс накануне финала*). Мы забили за одну секунду до сирены, но мяч не засчитали. В итоге уступили 101:103. Никто не спрашивает, справедливо или нет, но Греция – чемпион. Впрочем. Я убежден, что в нашей ситуации, если бы было все корректно, то все вопросы нужно было решать в Киеве, а не переносить рассмотрение на более поздний срок.

- Если бы Арвидас Сабонис, отсутствовавший тогда из-за травмы, был в строю, события сложились бы по-иному?

- Не хочу сейчас об этом рассуждать. Сабаса не было, мы играли, как могли. Вы сами знаете, кто такой Сабонис, кто такой Волков для «Будивельника», кто такой Тийт Сокк для «Калева», Валтерс для «ВЭФа». Когда кого-то из них нет, получается совершенно другая игра. Также и у нас, если кого-то из троих-четверых лидеров не было, мы должны приспособиться и играть другую игру.

- Правда, что тренером вас сделал Хавьер Имброта, позволивший еще в бытность игроком поработать с «Уникахой»?

- Нет. Это был 1993 год. Я пришел к этому сам. Думал, что в жизни столько отработал, столько сам упирался, искал пути. Так почему не отдать весь опыт баскетболистам, с которыми я буду работать? Поэтому, еще играя, тренировал, потом в Литве был главным тренером и выступал. Я сам внутренне хотел быть тренером, поскольку я не могу без баскетбола. Я пробовал и бизнес, но не мог совместить одно и другое. Вообще, убедился, что если делаешь какое-то дело, надо присутствовать при всем, участвовать в том же бизнесе, контролировать все процессы. Никто за тебя ничего делать не будет.

- В испанской Малаге, где вы раньше жили, функционировала школа вашего имени...

- Она и сейчас существует. Но школой занимаюсь не я лично. В 1995 году, когда получил травму на чемпионате Европы, хотел быть директором школы, ведь практически год не мог играть. Создал все, но в Испании такие законы, что иностранцы не могут занимать пост директора. А ведь я уже заплатил за лицензию, все внес. Вот тогда я и уехал в Литву, в «Олимпус». Изначально я приезжал в Литву сыграть одну-две игры в качестве игрока. Мы начали выигрывать и команда поднялась с

пятого места на второе. Потом, когда я уехал, «Олимпус» упал на седьмое место. Тогда президент сказал, чтобы я приезжал не только как игрок, но и как тренер.

- ...и работали в Плунге до тех пор, пока письмо не написали уже против вас...

- Убежден, что не могли написать. Из 13 игр мы 12 выиграли и были на первом-втором месте. Можно написать что-нибудь, дескать, они не понимают моего баскетбола. На самом деле, подобное произошло, потому что в клубе не было денег.

- Но претензии, в таком случае, к президенту...

- Я оказался крайним, потому что эти деньги поехал и достал, отдал клубу, а клуб их потратил и через месяц у нас ничего не было. Говорю: «Я же деньги дал, помог их достать». И ребятам говорил, что у вас есть за что кушать, а играть осталось пять-шесть месяцев. Эти деньги, которые вы получите, ничего не решат. Но если мы отыграем без денег чемпионат, ваша цена будет намного больше, потому что вы все покажете, что можете играть даже когда тяжело. Но что в итоге вышло? До нового года мы были на первом-втором месте, а после моего ухода они, кажется, даже ни одной игры не выиграли.

- Вы – личность в баскетболе, но долго по собственной воле не становились главным, работая ассистентом в российском «Урал-Грейте», сборной Литвы...

- Я не стремился быть главным изначально. Когда ты приходишь к баскетболистам, то не становишься тренером сразу, ведь не хватает уверенности, не можешь знать всех тонкостей. Мне нравилось быть вторым, вести тренировки, подслушивать, подсказывать, общаться с игроками. Собственно, благодаря тому времени, что я проработал в Перми помощником Сергея Белова, я стал тренером, перестал играть в баскетбол с игроками. Я хотел играть, но когда главный тренер хочет сам бегать с игроками, думаю, что это не совсем хорошо.

- То есть вы считаете, что тот период, когда вы работали играющим наставником в литовском «Олимпасе», ошибкой?

- Не важно. Это был переворот в моей жизни. Из-за травмы я не мог так бегать, как раньше, но хотел оставаться в баскетболе. Тогда еще совмещал тренерскую работу с выходами на площадку, но делать это очень тяжело, потому что не хочу никому советовать. Когда человек одновременно главный тренер и игрок, нужно одновременно исповедовать две философии. Когда говоришь с главным тренером, ты его не можешь послать. Игрока ты послал, с ним подрался. А потом берешь минуту – весь уставший, но что-то должен объяснять.

- Вы когда-то сказали, что почувствуете себя полноценным тренером тогда, когда абсолютно забудете, что были игроком. Это время уже наступило?

- Думаю, что полностью забыть нельзя. Так надо думать и к этому стремиться. Когда беспокоила какая-то травма, на пару лет забыл о Хомичюсе-игроке вообще. Но так как мне сейчас становится все лучше, у меня появляются мысли, что буду готовиться, может, сыграю за ветеранов, потому что в своей карьере играл за многие команды, но за ветеранов не выступал еще ни разу. Точнее, единственный раз, когда мы все собрались, был в Киеве, когда Литва сыграла с Украиной. Да и не скажу, что играли ветераны – полудействующие, полунедействующие. Это еще не совсем ветераны. Хочется вернуться, что-то делать, но я понимаю, что время прошло и лучше концентрироваться на основном.

- Вы работали с диктатором Гомельским и с дипломатом Гарастасом. Вы называли их людьми, которые больше всего на вас повлияли, как на будущего тренера. Но нельзя быть одновременно дипломатом и диктатором...

- Если есть возможность работать с многими тренерами, надо у каждого брать лучшие свойства. У Гарастаса взять понимание, у Гомельского – организацию, у Селихова – отношение к тренировкам, у Имброды – защитные моменты, у Нельсона – опять-таки концепцию защиты. На моем пути встречалось много тренеров и каждый оставил свой след. В Перми, в Казани у меня были одни помощники, в «Триумфе» другие, у каждого помощника есть свои хорошие мысли. Я говорил им: «Выражайте свои мысли, а я отберу, что хорошо для игры». Это как прочитаешь одну книгу – не остается ничего, а прочитаешь другую – возьмешь фразы, которые тебе подходят, которые можешь использовать. Так и в игре – своевременная подсказка сильно помогает. Вот и сейчас с днепропетровскими ребятами стараюсь побыстрее войти в контакт, дать им почувствовать ответственность, чтобы мы творили совместно.

- Правда, что в 1999 году Александр Волков вас приглашал возглавить «Киев»?

- Были какие-то разговоры, но больше они касались Игорса Миглиниекса.

- Считаете, когда принимали московское «Динамо» в 2003 году, это было ошибкой?

- Нет, там было другое. У меня есть принцип, что про клуб ничего плохого не говорю, потому все равно было хорошо. Мне не понравилось, что мне сказали, дескать, я слишком много тренирую, и что мы проиграли другой команде из Московской области. Я сказал, что если не нравится, я могу уйти. Написал заявление и вернулся в «Урал-Грейт» Если кто-то что-то говорит, пусть будет на их совести. Со своей стороны делаю, что могу. Потом накупили других игроков, сделали по-другому. Но то, что было наработано, оно потом пришло обратно и динамовцы заняли третье место.

- Когда вы пришли в «Днепр», то сказали, что начнете строить команду от обороны. Эта ваша концепция тренерская сформировалась под впечатлением от баскетбола в исполнении французского «Лиможа» Божидара Мальковича, который как раз в то время, когда вы начали размышлять о тренерском будущем, выиграл Кубок чемпионов и это назвали торжеством оборонительного баскетбола?

- За «Лиможем» Мальковича следил, но к тому времени у меня были свои устоявшиеся взгляды. Мы старались очень жестко играть сборной, часто прессинговали. У меня осталось восприятие, что когда сопернику мешаешь, не даешь делать свои движения, то игра у него ломается. Под прессингом сопернику играть очень трудно, надо специально готовиться. Но чтобы играть хорошо в защите, надо начать с физподготовки, с понимания, чтобы каждый игрок знал, что делается и зачем. Но сперва это начинается с каждого оп отдельности, а потом берется команда в целом. Если ты играешь командой, но один игрок выпадает из концепции, включается взаимоподстраховка, но в финале все равно остается один свободный игрок, который и забивает.

В первую очередь нужно, чтобы люди отдавали себя для защиты. Если ты начинаешь от защиты, то отзащищавшись, перехватив мяч, получаешь больше энергии в нападении. Но когда ты не защищаешься, бежишь вперед, мажешь, тебе забивают и все время бьют по голове, становишься тупым, все тупее и тупее, энергии все меньше и меньше. В итоге игра сыплется окончательно. Мне нравится, чтобы игроки отдавались. Они тогда заводятся, как костер зажигают. Чем лучше защищаешься, тем больше возможностей атаковать.

- Вас называли лучшим бизнесменом в баскетболе и лучшим баскетболистом в бизнесе. Это справедливая характеристика?

- Я не отказываюсь от этого, но абсолютно лучших никогда не бывает. Было такое время, когда все делали всё. Поскольку я был капитаном команды, старался меньше беспокоить команду, все организовал заранее. Мне нравилось, чтобы все было приготовлено, чтобы все купили заранее, чтобы меньше получили от тренера и чтобы никто не увидел. Когда занимаешься этим делом один, можно все организовать быстрее. Это нравилось, потому что видно было, как работает. Сейчас то же самое: закупаешь – перевозишь – продаешь, закупаешь – возишь и опять покупаешь. А надо было и купить, и найти, и тренироваться и, главное – выигрывать. Думаю, если любого иностранца поставить на наше место, чтобы ему перед игрой нужно было оббежать все магазины, найти необходимое, купить, потом все это перевезти, наверное, у многих на баскетбол не осталось бы силы. А мы играли, да еще и выигрывали.

- В принципе, в Советском Союзе такие вещи были наказуемы...

- Все нужно делать с головой. Сколько я делал бизнес после того, как распался Советский Союз, столько убеждался, что бизнес нужно делать самому – придумать концепцию, быть, контролировать. Я как-то инвестировал, ждал и почти ничего не получил. Вообще, со временем понял, что самый лучший бизнес для меня – это мой баскетбол. Это мой спаситель, моя любовь и я от этого могу жить.

- От бизнеса в классическом понимании вы отказались, когда в Каунасе сожгли принадлежавший вам ночной клуб?

- О, нет! Никто никогда не сжигал моего клуба, там одну колонну взорвали. Мы ее починили за час, вставили стекла и все там работало. Этот клуб работал давно, мы его десять лет содержали. Потом в России произошел первый кризис, у людей пропало много денег, а заодно и клуб потихонечку уходил. Реально закрыть его нужно было еще за четыре-пять лет до того.

- Вам в мае будет 53 года, но выглядите вы заметно моложе. Как себя бережете?

- Да выгляжу на свои (*смеется*) ! В первую очередь, у меня есть, как и была, энергия. Потом – я не могу сидеть на одном месте, перед и после тренировок то побегаю кросс, то поплаваю, то в холодную воду залезу, то со штангой позанимаюсь. Баскетбола стало меньше из-за колена, поэтому стараюсь компенсировать его другими занятиями. Я уже давно почувствовал, когда закончил играть из-за травмы, что если возникает какой-то промежуток, когда я ничего не делаю, то сразу себя плохо чувствую. Для меня эта нагрузка, как исцеление. Я тренируюсь и чувствую себя намного лучше. Может, я не выгляжу так хорошо, но мой образ жизни меняет меня внутренне.

- Правда, что за одну тренировку вы можете проплыть 100 25-метровых бассейнов?

- Летом проплывал 40 «четвертаков», хотя при желании можно и 100 раз проплыть. Делаешь, чтобы чувствовать себя лучше. Когда не бегаешь кросс, тогда идешь в бассейн. Не идешь в бассейн – идешь в море. В Казани зимой и летом холодное озеро с названием Голубое. Неважно, какая температура на улице, там всегда +3, видно, как из дна выходит вода под большим паром. Я научился там плавать и это очень помогало, давало энергию.

Ты сам понимаешь, что тебе необходимо и это делаешь. Когда бросал броски, может, можно было и меньше, но думал, если буду бросать чаще, тогда это мне поможет. Конечно, помогло. Не скажу, что я был самым лучшим игроком. Таким никогда не был. Я был хорошим баскетболистом, потом у что умел тренироваться, отдаваться, не жалел себя. Я никогда не был первым номером, но играл, поскольку хотелось атаковать. Я очень поздно пришел в баскетбол, мне хотелось бежать, забить, показать, а я себя иногда тормозил и играл по-другому. Получалось. Не всегда, правда. Бывало, что атаковал слишком. Когда мне под 40 было и я играл в Литве, баскетбол понимал намного лучше, Сейчас еще больше понимаю, пройдет время, буду понимать еще лучше, но уже не бегаешь и можешь это понимание только передать игрокам.

- Вы когда-то сказали, что в своей жизни лишь трижды напивались. После выигрыша олимпийских медалей и золота на чемпионате мира-1986...

- Трижды – это символически. Вам, журналистам, это очень интересно. И спортсмены, и другие люди, если в работе какой-то успех или праздник, если Новый год, что делают?

- Чаще всего – пьют.

- Вот именно. Но когда баскетболисты пьют, это воспринимается как-то особенно. Это «особенно» надо вынести. Мы нормальные люди и к жизни относимся также, как и все. Только у нас есть определенный период, когда мы не можем позволить себе расслабиться так, как это делает

обычный человек. Считаю, что рассказывать то, сколько мы выпили неправильно с точки зрения влияния на молодое поколение. Тогда другое время было. Сейчас молодежь не должна знать, сколько мы выпивали и как после этого тренировались. Сейчас они подобного сделать не могут, потому лучше меньше проводить таких примеров. Им сейчас нужно работать в два раза больше, в два раза больше отдаваться, забывать, что они зарабатывают какие-то деньги. И когда они забудут, что у них карманы не полные и что они выходят полуголодные, у них будет получаться намного лучше.

- Сейчас вы переехали в Днепропетровск, а какое место жительства считаете постоянным?

- Моя родина – Литва. Мой дом там, где родители. А там, где твоя квартира, где ты живешь – это непостоянное. Поэтому мой дом в Каунасе, живы оба моих родителя – папе 83, маме 79. Я очень рад, что они меня постоянно ждут, но они меня мало видят. Последние 13 лет работал в России. В 1999 году, когда начали в Перми, не мог так часто возвращаться. Последний год тоже видимся нечасто. Приезжаешь домой – и тепло, и мама есть, и готовит постоянно, блины делает. Очень приятно, что родители заботятся обо мне. И еще моя гордость – три дочери, взрослые уже.

- Они живут в Испании?

- Да. Одна живет в Барселоне с другом, там работает. Остальные две – в Малаге, одна закончила психологию, другая поступила на инженерный. Видимся по возможности, чаще общаемся по телефону. Вот и перед разговором с вами, когда ехали в автобусе, общались.

- Вы когда-то сказали, что дочки – практически испанки, что даже между собой говорят по-испански...

- Да, они там с маленького возраста. Старшая Айсте вот уже почти 22 года, как живет там. Младшая – Лина – в Испании родилась. Они в литовскую школу не ходили, а по-литовски пишут и говорят, говорят без акцента. И это меня радует. Так как они выросли в Испании, им очень трудно приспособиться к тем местам, где я работаю. Они приезжают ко мне в гости, им очень интересно. Сейчас, после нового года, приезжала моя средняя Раса со своим другом-испанцем, я их на Крещение повел купаться в прорубь, поплавали на кораблике по Москве-реке, в Кремль пошли, у пушки сфотографировались, посмотрели Красную площадь, покатались по ней на коньках. Им все это было в кайф. И мне тоже.

